

Измайлов Александр Алексеевич

Ураган

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич И.**
Ураган / Измайлов Александр Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. –
260 с.

ISBN 978-5-519-86883-9

Содержание Ураган; Ржавчина; Аппартаменто; Капитан Немо; Кто он;
Пропавшая грамота; Авгуры

ISBN 978-5-519-86883-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

его газеты и критика,—Верстовскаго, взять на себя веденіе дѣлъ на время его отсутствія.

Жизнь не была уныла и безкрасочна. Всего было! Дьявольскій трудъ смѣнялся часомъ отдыха. Были въ прошломъ удача, шумъ, веселье, относительная сытость души. Была любовь, были женщины. Но... но завоевалъ ли онъ счастье?

Теперь, по крайней мѣрѣ, ему было ясно, что счастье не въ славѣ. Славы нѣтъ, но съ его мѣста уже видно настоящую славу, и ясно, что ея блескъ не грѣетъ. Зарница, а не молнія. Электричество, а не солнечный лучъ.

Счастье въ женщинѣ? Но никто не принесъ ему въ жизни столько несчастья, сколько она. Онъ вспомнилъ свою жену, и невольно брови его сдвинулись, и поперечная морщина на лбу стала глубже. Какой адъ онъ пережилъ семь лѣтъ назадъ, прежде чѣмъ они разошлись. И какъ все было фатально нелѣпо, стихійно нелѣпо!

Кто виновать?

Оставаясь одинъ на одинъ, онъ чувствовалъ, что много виновать передъ нею. Но и она была много виновата передъ нимъ. А надъ виною и его и ея парило что-то стороннее, роковое, стихійное,—въ несродности характеровъ, въ разности взглядовъ, въ тучѣ мелочей. И это было самое главное. И теперь душа уже не сохранила къ ней, когда-то близкой и родной, ни малѣйшаго луча любви.

Даже не было ее жалъ. Выгорѣло чувство до тла. Гдѣ она теперь, что она,—ему было обидно безразлично. И казалось страннымъ, что могло быть прежде общаго между нимъ и этой, теперь чужой, женщиной. Другія прошли за нею. Но и къ той, которая теперь была на ея мѣстѣ, которую онъ сейчасъ безъ сожалѣній оставилъ тамъ, въ большомъ городѣ,—уже умерло чув-

ство. Ахъ, если бы оно также безболѣзненно, незамѣтно, но навсегда и безповоротнo умерло и въ ней!..

Счастье — въ трудѣ? Было время, когда-то казалось такъ. Налетали недѣли и часы гордаго и поднимающаго забвенія въ трудѣ, какого не могло дать ничто. Но ничто не доставило и такихъ окаленныхъ мукъ, разочарованій и изнуряющаго напряженія. А первые шаги? А тѣ дни, когда вотъ здѣсь, въ Липянскѣ, въ своей скромной квартирѣ учителя гимназiи, онъ до двадцати шести лѣтъ изнывалъ въ тоскѣ сомнѣній? „Нѣтъ таланта, нѣтъ таланта, нѣтъ таланта“!..

Были бессонныя ночи. Горѣлъ мозгъ. Судорожно работала рука. А на утро, при свѣтѣ холоднаго дня, какъ все это вдругъ оказывалось ничтожнымъ, неудовлетворяющимъ, не тѣмъ!..

Потомъ, когда удалось вырвать признаніе,—о, чего это стоило!—какъ зеленѣли и шипѣли „друзья“ при всякомъ новомъ его завоеваніи! А въ то же время какъ часто, уже перечитывая законченную вещь, онъ видѣлъ, что это совсѣмъ *не то*, и онъ только испортилъ замыселъ, который подъ другимъ перомъ могъ оказаться гениальнымъ.

Усталъ ли онъ слишкомъ, что въ послѣдніе годы его такъ преслѣдуетъ неосуществимая мечта о томъ, чтобы совсѣмъ не писать? А вѣдь лучшія пѣсни еще не спѣты. Никому это не видно, но онъ-то самъ это знаетъ. И удастся ли ихъ спѣть?

II.

Счастье, счастье!.. А не былъ ли онъ, въ сущности, болѣе счастливъ тогда, когда эта чугушка везла его въ противоположную сторону—изъ глуши въ Петербургъ? Вѣрящая и надѣющаяся двадцатилѣтняя душа и тридцатисемилѣтній молоденькій старикъ,—что лучше?

Съ полмѣсяца назадъ, сидя въ кабинетѣ Верстовскаго, онъ нагнулся, поднимая скользнувшій изъ рукъ старика на коверъ листокъ.

— Эге, коллега, да и у васъ серебро!—уронилъ старый писатель, увидя близко голову Талызина.

Онъ сказалъ это мимоходомъ и сейчасъ же забылъ. Но ни въ тотъ вечеръ ни на другой день не забылъ его словъ Талызинъ. И сейчасъ вспомнилъ. Да, сѣдина,—и значитъ, не одинъ онъ ее подмѣчаетъ, а и чужой глазъ. Не серебро, а атрофія красящаго вещества, ослабленіе созидающей силы клѣтки. Такъ вѣрнѣе, хоть тутъ и меньше поэзіи. Говорятъ, красива ранняя сѣдина. Но что, если съ серебромъ въ волосахъ выпадаетъ и на сердцѣ снѣгъ?

А еще горше, что сѣдѣть и плѣшивѣть душа. Умерла вѣра въ людей, замутились идеалы. Какъ они были прекрасны издали, его боги, и какіе у нихъ оказались отвратительные клыки изъ пожелтѣвшей кости, когда онъ взглянулъ на нихъ вблизи, протискавшись въ ихъ кумирни!

Къ какимъ высокимъ идеаламъ звалъ Святскій, какъ властно зажигалъ души! Однако, не этотъ ли Несторъ современной беллетристики въ одну изъ своихъ редакціонныхъ субботъ пустилъ о немъ гнусную клевету, что онъ разошелся съ женой, чтобы жить со свояченицей? А Серебрянскій, статьи котораго тутъ, въ глуши провинціи, онъ благоговѣнно подбиралъ изъ журналовъ и переплеталъ въ особые книги,—тотъ самый Серебрянскій, который восторженно привѣтствовалъ его книгу, потому что думалъ, что онъ будетъ редакторомъ „Огней“, и потомъ чрезъ мѣсяцъ, и башмаковъ еще не износивши, цинически распылъ его въ другомъ журналѣ, съ откровенною наглостью покаявшись: „Беру свое troppoливое слово назадъ: прошелъ мой гипнозъ!“

А Черняевъ, Труворинъ, Гераклитовъ, прекрасные и большіе издали, и маленькіе-маленькіе вблизи,—ехидничающіе, изолгавшіеся, плюющіеся, съ которыми чуть не дѣлается родимчикъ, когда при нихъ упомянуть Чехова! „По могиламъ великановъ люди-карлики ползутъ!“

Нѣтъ, лучше блаженное невѣдѣніе провинціала, чѣмъ это расхолаживающее знаніе. И ужъ ничѣмъ не вернешь этого невѣдѣнія! Потускнѣли свѣточи. Какъ они коптятъ вблизи! Они даютъ божественный огонь, который освѣщаетъ пути, но вѣдь горитъ-то сало, и нефть, и пенька! Самый прекрасный факелъ, вспугивающій ночь, вблизи коптитъ и чадитъ...

Счастье въ общеніи съ ними, какъ казалось когда-то? Нѣтъ, это не счастье. Счастье спряталось, и бѣдное человѣчество девятнадцать вѣковъ напрасно играетъ съ нимъ съ завязанными глазами въ жмурки. Вотъ, кажется, оно манитъ туда и оттуда аукается. Но подошелъ — и нѣтъ его. Обманулъ радужный миражъ. Счастье такъ же далеко въ тридцать семь лѣтъ, какъ было въ двадцать семь.

Въ сорокъ семь оно отойдетъ еще дальше, и жажда его будетъ еще болѣе страстной, напряженной, мучительной. И человѣкъ будетъ съ тѣмъ же пламенемъ въ глазахъ и той же лавой въ сердцѣ нестись за призракомъ по могиламъ, по трупамъ, по самолюбіямъ, чрезъ семейные очаги, попадая каблуками въ человѣческое мясо, пока... пока не почувствуется сзади чье-то цѣпкое прикосновеніе. А, это ты, наконецъ, безносый всадникъ съ острой косою, у котораго стучитъ кость о кость! Развѣ ужъ кончается? Развѣ ужъ пора? И онъ не выпуститъ изъ своихъ рукъ и доконаетъ, этотъ всадникъ,—хищная и неумолимая смерть. А пока ея еще нѣтъ, кто войдетъ и скажетъ: „Вотъ мѣсто, гдѣ укрылось счастье!“

Дверь купэ, гдѣ одиноко сидѣлъ задумавшись Талызинъ, пріотворилъ кондукторъ и объявилъ:

— Липянскъ!

Точно на вопросъ отвѣтилъ. Талызинъ мысленно улыбнулся.

— Счастье въ Липянскѣ? Будто!.. Ну, поживемъ— увидимъ. А предзнаменованіе недурное.

Въ дверь уже лѣзла чудовищная лапа носильщика. Почему-то она показалась Талыzinу шестипалой. Онъ накиннулъ пальто и ткнулъ пальцемъ въ свои вещи.

— Возьми.

III.

Талызинъ увидѣлъ Василенку и изумился. Ничуть не измѣнился человѣкъ! Точно время прошло мимо него. Только располнѣлъ невѣроятно, некрасиво, неприлично.

Такой же румяный, какимъ былъ въ университетѣ, гдѣ они были товарищами, такъ же, повидимому, сохранилъ повышенную заботу о гигіенѣ здоровья, судя по разнымъ термометрамъ, гирикамъ на стѣнахъ... Та же манера потирать пухлые руки. Служить въ земствѣ и сподобился взятія живымъ въ члены управы. Сытость и благодушіе въ заплывшихъ глазкахъ и, кажется, что ихъ нужно протереть, а то они вотъ-вотъ закроются. Талыzinу показалось, что онъ затрещалъ въ дружескихъ объятіяхъ. Совсѣмъ Собакевичъ!

Зато Василенко изумился совсѣмъ по другой причинѣ. Онъ едва узналъ стараго товарища. За одиннадцать лѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сильно измѣнился Дмитрій Матвѣевичъ. Точно загорѣло лицо. Морщинки побѣжали отъ глазъ. И странной нервной жизнью играетъ лицо.

Василенко взялъ со стола альбомъ и нащелъ его фотографію. Молодое, безбородое, полное лицо глянуло

на него съ забытой карточки, которую самъ Талызинъ давно успѣлъ потерять. „Гдѣ моя юность, гдѣ моя свѣ-
жесть?“ чуть не вслухъ сказалъ Талызинъ и вздохнулъ
безъ кокетства.

— А мы съ Нисочкой все тѣ же,—похвасталъ Васи-
ленко.

И напрасно похвасталъ. Полчаса справлявшая въ
сосѣдней комнатѣ своей туалетъ и, наконецъ, вышед-
шая къ гостю, Нисочка могла бы принять слова мужа
за злую пропію.

Было мало общаго между милой, совсѣмъ зеленой
дѣвочкой, Нисочкой, только что вышедшею замужъ,—
какою ее помнилъ Дмитрій Матвѣевичъ,—и грузной
дамой съ маслянымъ лицомъ и двойнымъ подбород-
комъ, которая стояла теперь передъ нимъ съ улыбкой,
застывшей, какъ на старомъ портретѣ.

Время отнеслось къ ней безпристрастнѣе. Утратило
свою воздушность граціозное существо. Но Василенко
смотрѣлъ на нее влюбленными глазами. Можетъ-быть,
онъ, въ самомъ дѣлѣ, не видѣлъ перемѣнъ, происшед-
шихъ въ женѣ, просто потому, что не хотѣлъ ихъ ви-
дѣть. Анисья Захаровна, въ свою очередь, видимо,
охотно готова была повѣрить мужу.

— Хоть сейчасъ вальсировать,—замѣтилъ Васи-
ленко.—Вотъ Богъ!..

Похоже было, что онъ издѣвался надъ женой. А
онъ говорилъ совершенно искренно!

— Ужъ ты скажешь,—кокетливо отказалась Анисья
Захаровна.—Въ двадцать семь лѣтъ не очень тянетъ
вальсировать. У меня старшей дочери десятый годъ...

И обсчитала себя на цѣлыхъ три года, а дочь на
годъ.

„Рано тебя повѣнчали,—подумалъ Талызинъ,—какъ
чеченку, въ четырнадцать лѣтъ“.

Дмитрій Матвѣвичъ былъ не вовсе лишень наблюдательности, а вычисленія въ умѣ надъ простыми числами могъ производить довольно быстро.

IV

Бѣглымъ взглядомъ въ два дня Талызинъ возстановилъ въ памяти общую фізіономію городка. Хирѣть годъ отъ году, а все остальное по-старому. Лѣтъ шестнадцать назадъ, только что кончивъ Кіевскій университетъ, онъ пріѣхалъ сюда и поступилъ въ гимназію учителемъ латыни. Въ женской прогимназіи онъ преподавалъ нѣмецкій языкъ. Какъ блохъ, надо было искать ошибки въ дѣтскихъ тетрадяхъ — и тамъ и здѣсь. Великолѣпное занятіе для человѣка, которому не охота шевелить головой. Но какая мука для того, у кого не успѣла облѣзть душа!

Дмитрій Матвѣвичъ полтора года посыпалъ тетрадки табачнымъ пепломъ, но дальше не вытерпѣлъ и запросилъ пощады. Было рискованно порвать совсѣмъ и окунуться въ литературу, еще ничего не отвоевавъ въ ней. Страшный путь безъ перилъ и баланса, на которомъ трупы и вдребезги разбитыя самолюбія—направо и налѣво! Но желаніе побѣдило страхъ. Теперь можно было не жалѣть, что случилось такъ, а не иначе, и въ немъ такъ безвременно погибъ учитель латинскаго языка.

У гимназіи не разросся, а захудалъ садъ. Огромныя рябины оголились и наполовину высохли. За рябиной лазали, ее сбивали палками, камнями, мячиками десятки смѣнявшихся дѣтскихъ поколѣній. Съ нѣкоторыхъ стволовъ сошла даже кора, и деревья стояли точно плѣшивыя.

Мелко, хищнически боролся маленькій безчисленный врагъ съ гигантомъ, но систематически, безжалостно и безостановочно, изъ рода въ родъ, и доконалъ того, кто былъ несравнимо сильнѣе.

Въ углу сада, на липѣ, четырнадцать лѣтъ назадъ, Талызинъ вырѣзалъ рядомъ со своими инициалами двѣ буквы *В* и *Б*. Какое-то сентиментальное побужденіе толкнуло Дмитрія Матвѣевича посмотрѣть, цѣла ли липа, цѣлы ли инициалы. Онъ отворилъ скрипучую калитку и вошелъ въ садъ.

Все было по-старому. Только заросла кора кругомъ *Б*, и рядомъ расположилось множество чужихъ инициаловъ,—маленькихъ, большихъ, тщательно вырѣзанныхъ и уродливыхъ. Былъ въ его жизни моментъ, когда эту Вѣрочку Баталину, милую учительницу женской гимназіи, Талызинъ былъ готовъ назвать своею женой. Но вышло такъ, что онъ не женился.

Года три-четыре назадъ цыганка смотрѣла его руку, угадывала прошлое и будущее и, между прочимъ, сказала, что однажды онъ хотѣлъ жениться и не женился, и что это хорошо, что онъ не женился.

Талызинъ вспомнилъ это и улыбнулся. Не нужно быть колдуномъ, чтобы сказать, что это хорошо, если мужчина хотѣлъ жениться и не женился. Ахъ, если бы онъ и совсѣмъ не женился!

Пожилые люди, которыхъ когда-то здѣсь знавалъ Талызинъ, приблизились къ старости. Изъ бывшихъ учениковъ нѣкоторые успѣли обзавестись семьями. Но блюлись старыя преданія города. Царила прежняя патриархальность. Какъ встарь, извозчика нанимали не въ Ивановскую или Московскую улицу, а „къ Ивану Никифоровичу“ или „къ акцизничихъ“. И извозчикъ не переспрашивалъ. Какъ шестнадцать лѣтъ назадъ, въ кегельбанѣ до поздней ночи гремѣли шары. Въ посудной лавкѣ вмѣстѣ съ керосиномъ и стеариновыми свѣчами продавались дамскія шляпки. Жена торговца была модистка.

Интеллигентная молодежь, по традиціи, развлекалась въ лучшемъ городскомъ ресторанѣ-гостиницѣ, носив-

шей названіе „Эльдорадо“, и, какъ въ старину, только въ ней можно было достать настоящее шампанское.

Сплетня попрежнему подпирала жизнь. Устраивались, какъ и тогда, любительскіе спектакли. Талызину вспомнилось, какъ встарь однажды поставили какой-то водевиль объ аптекарѣ, и какъ мѣстный аптекаръ, увидѣвъ въ немъ пасквиль на себя, обидѣлся и далъ въ клубъ при всѣхъ пощечину ни въ чемъ неповинному добровольцу-режиссеру.

Года три назадъ въ Липянскѣ построили настоящій театръ, пестрый, какъ бомбоньерка. И нынче, какъ годъ назадъ, пріѣхала бродячая труппа,—некрасивыя изнервничавшіяся актрисы и полдюжины бездарныхъ актеровъ. Всѣ они тяготѣли къ высокой драмѣ и по вечерамъ страшно кричали въ своей пестрой клѣткѣ. И, проходя мимо, можно было подумать, что это домъ сумасшедшихъ.

Кругомъ бомбоньерки разбросали садъ. Двухсаженные тополя пеклись на солнцѣ. Маленькій фонтанчикъ жидко поплеывалъ въ воздухъ.

Владѣлецъ театральнаго зданія поставилъ у фронтона три алебастровыя статуи стыдливо закрывшихся грацій. Двѣ стояли налѣво отъ входа, одна направо. Симметріи не было.

Антрепренеръ былъ достаточно беззаботенъ насчетъ миеологии, но питалъ слабость къ симметріи. Не задумываясь, онъ заказалъ въ губернскомъ городѣ четвертую грацію и ждалъ ея доставки.

V

Свято исполняя обязанности гостепріимнаго хозяина, Василенко въ одинъ изъ первыхъ же вечеровъ потащилъ Талызина въ театръ.

Онъ надѣлъ себѣ на голову какую-то причудливую соломенную каску и сразу превратился въ типичнѣй-

шаго провинціала. Талызинъ чуть не ахнулъ. Кумъ пожарный! Когда онъ успѣлъ такъ опровинціалиться, старый товарищъ! Къ лацкану сюртука Петръ Семенычъ не забылъ прицѣпить огромный кандидатскій знакъ. Талызину вспомнился горбуновскій купецъ. „Въ баню идетъ, медаль надѣваетъ“. И онъ едва сдержалъ улыбку.

Въ театрѣ на Дмитрія Матвѣевича отъ всего повѣяло добродушной и трогательной патріархальностью. Актеръ съ длиннымъ заострившимся носомъ, не выговаривавшій четырнадцати буквъ русскаго алфавита, изображалъ безпутнаго, но геніальнаго Кина. Судя по испитому лицу и глубоко ввалившимся, угасающимъ глазамъ, ему можно было не отказать въ безпутствѣ, вѣроятно, помѣшавшемъ кончить гимназію. Но трудно было повѣрить въ геніальность.

Кинъ ударялъ кулакомъ въ грудь. И на весь театръ было слышно, какъ стучала крахмальная сорочка. Точно его грудь была пуста, и самъ онъ изъ папье-маше.

Немолодая актриса, изображавшая очарованную Киномъ дѣвушку, жадно слушала его монологъ и смотрѣла на актера, поднявъ къ нему набѣленное, точно мертвое лицо, съ безобразно-большимъ ртомъ, и показывая огромную ногу.

Все было по-семейному. Какому-то щенку отдавили лапу у входа, и онъ завизжалъ, какъ несмазанное колесо. Актеръ ушелъ за сцену, и чрезъ минуту въ его же шинели и бакенахъ, на ходу оправляя ихъ, вошелъ другой. Начали бить стѣнные часы на сценѣ и пробили, должно-быть, дюжины три безъ малаго. Наконецъ очарованная Киномъ актриса догадалась подойти къ нимъ и ихъ остановить. Съ галлерей послышалось веселое ржаніе, смѣхъ и вызовы часовъ на bis. Нѣсколько освѣжилась атмосфера спектакля.